

Татьяна Толстая

Войлочный век

18+

Татьяна Толстая

Войлочный век (сборник)

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

Толстая Т. Н.

Войлочный век (сборник) / Т. Н. Толстая — «Издательство АСТ», 2015

Татьяна Толстая – прозаик, публицист, телеведущая («Школа злословия»), лауреат премии «Триумф» и Премии им. Белкина («Легкие миры»). Автор романа «Кысь», сборников рассказов «На золотом крыльце сидели...», «День», «Ночь», «Изюм», «Легкие миры», «Невидимая дева», «Девушка в цвету» и др. В новую книгу «Войлочный век» вошли как новые, так и публиковавшиеся ранее рассказы и эссе, объединенные темой времени.

УДК 821.161.1-32
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

© Толстая Т. Н., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Войлочный век	6
Гамаюн	6
Летун	7
Несуны	8
Сходить в магазин	11
Огневой щит родины	13
Слёзы	14
Счастьё	16
Часы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Толстая

Войлочный век (сборник)

© Толстая Т. Н.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Войлочный век

Гамаюн

В конце семидесятых в Столешниковом, слева, если к Тверской спиной стоять, был винный магазин, и в нем работала девушка невероятной толщины, уже даже не кустодиевской, а много, много богаче. И невероятной красоты. Сметанно-белое без румянца лицо, а волосы, брови, глаза черные. Совершеннейшая райская птица Гамаюн. Иранская какая-то. Она иногда выходила из подсобки в темном платье до полу, спокойно так и непонятно смотрела, и в магазине наступала тишина. Все мужики (а там, по причине ассортимента, в основном мужики стояли) тут же дурели, замолкали и просто смотрели, остолбенев. А что тут скажешь. Прозрачные, подсвеченные дорогие коньячные бутылки, оранжевое такое сияние, и, заслоняя этот фон, – необъятная, пышная бело-черная она.

Я думаю, что родись такая во времена, когда полнота была в моде, – из-за нее велись бы войны кровопролитнейшие, до кирпичного крошева, до голой земли, до воронья в тишине. Племена и народы бы исчезали, и язык бы их забывался. И на разоренных фундаментах росли бы маки и репейник.

Но полнота в моде не была. Модно было – «доска, два соска». Сапоги-чулки, яркая юбка выше коленок. Коленки-то как хороши, как они манят и мелькают, светлые, многие сотни их, особенно если взять бухла, и с запасом, и принять на грудь, и пройти с ребятами по теплой летней Москве, в стущающихся сумерках, в вечернем переплеске огней, голосов, обрывков музыки и смеха, и безо всяких там непонятных птиц.

Летун

В советское время не поощрялось переходить с одного места работы на другое. Во всяком случае, в шестидесятые годы, потом-то как-то все равно стало, по моим ощущениям. Не знаю, почему. То ли это было психологическое наследие крепостного права, то ли лагерная система не отпускала, то ли существовали какие-то экономические соображения (какие?). Не хватало людей после войны? Ума не приложу. А приложу, так криво.

Но я про слова. Тогда существовал специальный термин «летун». Это тот, кто часто меняет место работы. Помню, в детстве, заголовок в газете: «Летунам – заслон».

Мне представилась стая крылатых существ, полу-людей, полу-альбатросов каких-то, и развернутая во всю ширь сетка, загораживающая серый небосклон, и то, как они бьются об нее, теряя перья, а облететь не могут.

Потом взрослые объяснили.

Позже вспомнила про это, когда прочитала у протопопа Аввакума про ангела: «нигде ему не загорожено».

А летунам заслон.

Несуны

Поскольку в магазинах в советское время ничего хорошего не было, или было, но с очередями, или было, но в другом городе, или было не моего размера, или надо было записаться и приходить на ежедневные переключки в шесть утра, а кто не пришел, того вычеркивали, или еще происходило что-нибудь, мучительно державшее в напряжении, то принято было «выносить».

Выносить – значило воровать, но зачем же такие грубые слова. Собственно, воровством это никто не считал: воровство – это когда ты ворует у частного человека, чего приличные люди себе никогда не позволяли, если не считать воровства книг, – книги приличные люди воровали, а другие приличные люди, хозяева этих книг, никак не могли этого допустить и строго стояли на страже своих духовных сокровищ.

Воровать книги даже считалось доблестью и объяснялось высокими культурными запросами; человеку хочется иметь сборник стихов или книгу по искусству, – что тут скажешь.

Жажда у него духовная.

Некоторые так прямо не тащили с полок, а брали почитать; понятно, что никогда не возвращали. Так что хорошим тоном было надписать на книжке, на форзаце: «Из книг такого-то», – экслибрисы же не у всех. А грубые люди выставляли табличку с грубой надписью: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!»

У меня много чего украли, в частности, пришла университетская подруга со своим молодым человеком, и он вынес в своем портфеле несколько редких книжек, выдернув их опытной рукой с полки. После, я слышала, его побили, а то и исключили из комсомола, так как он фарцевал и торговал джинсами, но это пусть, а он, сука, продавал половинки джинсов, то есть одну штанину, запечатанную в пакет, наваривая тем самым вдвойне с каждой пары.

Частное воровство справедливо считалось скотством и подлостью, воровство у государства – доблестью и восстановлением кармического баланса. «Всё вокруг колхозное, всё вокруг мое!» – приговаривали остряки; также существовал расхожий стишок-лозунг: «Ты здесь хозяин, а не гость; тащи отсюда каждый гвоздь!» Лично я как работник издательства тоже тащила свой гвоздь; в моем случае это была бумага (хорошая, белая), резинки, клей. Лента для печатной машинки – черная и двухцветная немецкая. Ножницы. Белилка для замазывания опечаток – с кисточкой, капиталистическая! А не сраная социалистическая с лопаточкой. Кто красил ногти, сам, из баночки, тот понимает разницу между мягкой кисточкой и твердой лопаточкой! Разница как между асфальтовой дорогой и булыжной.

Правда, это не совсем было воровство, так как все эти предметы нужны мне были для редакционной же работы, только на дому. Отрывать, приклеить и замазать. А потом, когда замазка подсохнет, поверху любовно вывести печатными буквами новое слово. А бумагу, конечно, я брала для себя, но это тоже было не воровство, а скупка краденого, – я за нее платила. Тетка-завхоз краля у государства и продавала мне, а деньги клала себе в карман. Нам обеим было выгодно.

А вообще несли все и всё, и опять-таки существовала и в зубах навязла шутка про русский народ: «вынесет все, и широкую, ясную...»

Простой трудовой народ, рабочий класс, нес с фабрик и заводов еду. Классика – шоколадные конфеты в высоко взбитой прическе. Какой козел полезет ворошить женскую укладку? Другие места туловища менее безопасны: выходящих обстукивали, обшлепывали, как сейчас делают в аэропорту (выборочно, как я понимаю), а носить-то надо каждый день, рано или поздно попадешься. Так что колбасы в промежности или обертывания ветчиной были не самым удачным решением. Хотя интравагинальная бутылочка коньяка к Новому году лишней не была и доставляла радость всей семье.

Но это несли себе, покушать. А на продажу, малым оптом, – это уже проблема. Так что выкручивались как могли. Перекидывали через забор. То есть выйдут покурить из цеха, прогуляются до забора – и перекинут через него пару-тройку чего они там украли. Или катят в дырку под забором, смотря какая конструкция. После же смены, смело и открыто глядя в глаза охране, – на, обшарь, я чист, – идут в переулочек собирать урожай.

У нас одна знакомая жила в таком переулочке. Крылечко ее дома выходило в глушь и лопухи, а сбоку забор. Вот вышла она на крылечко вытрясти половичок, глядь – а из-под забора выкатывается голова сыру, хорошего, сорт «голландский». В красной оболочке такой. Она, конечно, хватя его – и давай с ним кофе пить.

Интеллигенция же воровала совсем другое. В пищевой отрасли интеллигенция не работала, она сидела по институтам, школам, музеям, издательствам и прочим культурным учреждениям. А что там возьмешь? Вот я, как уже сказано выше, воровала клей и белилку. (Книг ведь в редакции нет, книги не украдешь. Книги собственной редакции можно приобрести по блату, и при отсутствии этих книг в магазинах это очень ценно, но это другая сторона советского идиотизма.) У технической интеллигенции было больше возможностей, их жизнь была интереснее.

Существовал целый пласт фольклора о воровстве в научных институтах. Скажем, оборонный институт – охрана там строгая. Но разве настоящий ученый отступит перед сложностями? Вот Николаю Ивановичу нужно вынести лист целлулоида. Ну надо ему. А это пятидесятые годы, значит – что? Значит, кожаное пальто до полу и шляпа. Вот Николая Ивановича в лаборатории обертывают целлулоидом, обматывают веревочкой, сверху – пальто. И идет Николай Иванович, семенит через проходную. Прошел. На улицу вышел. Теперь надо сесть в машину. А целлулоид ниже колена, в нем не сядешь! Тогда два приятеля берут Николая Ивановича, кладут его, как трубу, горизонтально и вдвигают на заднее сидение «Москвича» (старой модели, мышонка такого серого). Дверца не закрывается немножко, но ехать недалеко!

Или вот трубу надо вынести. Заметят. Тогда пятеро ученых ставят подряд пять портфелей, укладывают трубу вдоль, пропуская ее под верхними крышками, застегивают на замки, берутся за ручки и несут этот спаянный суперпортфель как единое целое; кто запретит им идти так плотно, прижавшись?

Это наводит на мысль других ученых, задавшихся дерзкой целью вынести трансформатор. Ну, мощный трансформатор – большая вещь, ни в портфель не войдет, ни под костюмом не утаишь. Так придумали разыграть сценку «озорная молодость». Один водружает себе на спину трансформатор, крепит его лямками; сверху пиджак, и перед будкой охраны его товарищ вдруг с веселым гоголем вскакивает ему на спину: вези меня, и-го-го! И резво пробегают мимо вахты. Вахтер только улыбается в усы и качает головой: ох, молодежь...

Классическую схему, сводящуюся к тому, что человек выносил в ведрах мусор, вызвал подозрение, мусор высыпали, порылись в нем, ничего не нашли и пропустили мужичка: иди, – это-то все знают? Что же крал мужичок? Задача на сообразительность. Мужичок крал ведра.

Мой любимый пример – это случай, когда сотруднику нужен был лист фанеры, большой, метра 2х2. Ну уж это-то невозможно украсть, правда? А интеллект на что? Сотрудник идет к начальству, держа в руках маленькую фанерку – размером с лист бумаги А4. Из такого ничего для советской промышленности не сделаешь, бесполезный он! Сотрудник делает скучное лицо. «Иван Иваныч, фанерку вынести можно будет?» Начальник смотрит: можно. «А на вахту записочку?..» Начальник пишет записочку: Сидорову можно вынести фанеру. Сидоров выносит свою фанеру 2х2.

Зачем технической интеллигенции труба, фанера, ведро, целлулоидный лист, трансформатор, много чего еще? Так в магазинах же нет ничего, а технические люди – они рукастые. Дачка шесть соток, что-нибудь прикрутить, забить дыру, вкопать там что-нибудь. Дайте технарю моток проволоки – будет антенна для телевизора, и можно будет, ударяя кулаком по верх-

ней его крышке, добиться даже изображения и посмотреть, не знаю, «Кабачок 13 стульев» с Пани Моникой и Паном Гималайским.

Рабочий класс выносит закуску и вообще еду, флаг ему в руки! Технар выносит детальки и фанерки, исполать! Осмысленные, направленные действия! Но вот смешивать эти два потока не стоило бы, добра не будет. Так, если рабочий попадает на производство вещей несъедобных и вообще ему непонятных, тут и начинается повальная кысь, тут и закручиваются воронки национального безумия, тут филин ухает в лесу и кикимора хохочет из болота.

Один предприниматель рассказал мне такую историю. У него в чистом поле завод по производству мощных магнитов. Размер у них маленький – с двухрублевую монету – а мощь большая. Используются в космической промышленности, больше ни за чем не нужны. Нанял местных – Суздаль, скажем. Может, Углич. Вот стал он магнитов недосчитываться. Воруют, а как воруют – непонятно. Думали, подстерегали, расспрашивали – наконец выяснили. Мужики построили на крыше деревянную катапульту и выстреливали магнитами в чисто поле, в широкое раздолье и духмяное разнотравье, которое так любят наши почвенники. А по полю с железными палками ходили их жёны и собирали магнители в туюса и белые платочки. Предприниматель не понимал, он спрашивал мужика: ну зачем они тебе?! Зачем?! Зачем ты наносишь мне бессмысленный урон! Ничего не отвечал мужик, только смотрел в пустоту голубыми глазами, в которых ничего не плескалось, ничего не отражалось, ничего не зарождалось.

«Бей русского – часы сделает!» – записал лихую поговорку Владимир Даль. Верю, сделает. Если поймет, зачем они ему. Пока что ни к чему: ведь время на Руси стоит застыв, века остановились, цель невнятна, смысл потерян. Но как солнцу садиться, – тихий посвист деревянной катапульты, и там, в некошенных травах и беззвучных ромашках, по вечерней росе бредут русские жёны с железными посохами и белыми узелками, и умом не понять их, и аршином, конечно, не измерить.

Сходить в магазин

Советская торговля тоже была удивительно устроена, нынешним людям не понять.

Товары были социалистическими и капиталистическими. Капиталистические товары советским людям нельзя было ни знать, ни видеть, они поступали в «Березки» и оттуда распознались по блатным (номенклатурным) гражданам и по спекулянтам. Поскольку у всех, у кого были какие-то деньги, были и знакомые спекулянты, то капиталистические (хорошие) товары были у всех. Но не часто. Дорого очень.

Скажем, нас у мамы-папы было пять дочерей. На нас, понятно, одежды было не напастись, на кобыл таких. И все хотят хорошее, а плохого не хотят. Обувь тоже. Где ее возьмешь? Я помню, в 1974 году собралась в Коктебель. А сандалий нет. В магазинах нет. Боты «прощай, молодость» есть. Тапки без задников, войлочные, так называемые «ни шагу назад», – пожалуйста. Туфли какие-то страшные – тусклые, румынские, какашечно-коричневые со шнурками, это есть. В 1974 году невозможно себе было представить на женщине туфли тусклые, румынские, какашечно-коричневые со шнурками, то есть представить можно, но это если такая женщина уже повесилась с горя и, обутая соответственно, болтается в петле.

У нас был родственник-француз, о нем петь и петь, пока струны не порвешь; вот я его принудила пойти со мной в «Березку» и купить мне хорошие туфли на свадьбу. Он был жадный до синевы, лишь слово «свадьба» что-то в нем шелохнуло, да и то только потому, что ему от папы тоже было нужно кое-что, а именно копия Указа Александра II из архива. О том, что он граф. Ему Указ, мне – туфли на каблуках, не знаю, справедливый ли обмен?

Так что я на своей свадьбе была в остроמודных лодочках фирмы «Габор» на высоченном каблуке и маленькой платформе, цвета коньячного; платье на мне было из свистящего ацетатного шелка в больших желтых цветах, короткое и общелканное по фигуре, так как моя портниха Валентина Иванна воровала ткани без всякого зазрения совести; как-то я пришла к ней без звонка, нагрянула. Смотрю – а у нее на диване подушки в чехлах из тканей, предназначенных на наши платяица и юбочки, – не успела спрятать. Густо-густо покраснела Валентина Иванна... но я не о том.

Я о том, что ни в общелканном платье в цветах, ни на габоровских наборных каблуках на море не поедешь и на горы не полезешь. Сандалии нужны. А их нет. И я через знакомых разыскивала старух, которые бы помнили 1919 год и, соответственно, умели бы плести сандалии из веревок; и мне такую старуху даже нашли, но закавыка была в том, что в магазинах в 1974 году веревок не было.

Я уж не помню, как я тогда выкрутилась, но помню, что в нашей компании, ходившей в горы, была женщина в летнем пальто. Это в жару 30 градусов. Я тихо спросила: это она что?.. И мне тихо ответили: а у нее платья нет.

У нас тоже была спекулянтка, хотя маме мешали принципы: мама считала, что спекулировать нечестно. Но мы с маминими принципами не считались, мы разрешали ей иметь свое особое мнение, а нам нужны были хотя бы иногда красивые капиталистические товары! Так что мы с сестрой Наташей купили себе у спекулянтки одинаковые финские пуховики на кнопках, и наша невестка тоже такой купила, и мы как дуры ходили в совершенно одинаковых пальто, но это было все равно круто. Вам нынешним не понять.

Еще круто было иметь мохеровый шарфик. Мужчины носили. А я была у нашей спекулянтки дома – так там вся квартира, все серванты и полки были заставлены хрусталем, как у спортсменов бывает кубками и наградами. А на двуспальной кровати было постелено необъятное мохеровое покрывало в шотландскую клетку, размером, наверно, 2×3 метра. Это производило такое же оглушительное впечатление, какое производили, наверно, на гостей

хоромы Чурилы Пленковича, былинного иностранца и убийственного красавца: пол в его хоромах был серебряный, а потолок обит черными соболями.

Чурила Пленкович плохо кончил; спекулянтка, боюсь, тоже.

А социалистические товары можно было купить в Москве в особых магазинах: «Ванда» торговала польскими тенями для глаз, соседняя с ней «София» каким-то кошмарным розовым маслом, от которого у всех, кого я знаю, болела голова, как у булгаковского Понтия Пилата; еще был «Лейпциг», а на краю света, на оврагах, стоял «Ядран».

Один раз я в этом «Ядрани» была. Там давали водолазки, называемые «банлонами», а иногда даже и какие-то кофточки. Но «давали» – это не просто «продавали», как могут подумать нынешние наивные люди, ностальгирующие по совку. Не-е-ет, это так просто не делалось.

Кофточки продавались запечатанными в целлофановый пакет. Распечатывать и примерять их было нельзя. Почему – не спрашивайте. По кочану. Сначала купи, а потом и примеряй! А поскольку крой был, прямо скажем, югославский, то есть неизвестный и непривычный, то угадать, какого размера тебе нужна кофточка, было невозможно. А вдруг в груди тесно? Или рукава болтаются? Так что женщина сначала билась в очереди, напирая на прилавок, затем выхватывала две кофточки примерного размера, – не подойдет одна, другая сгодится, – и, потная и растрепанная, выпрастывалась из людского моря наружу, на овраги. И там, среди незаасфальтированных ям, распечатывала пакет и мерила на себя кофточку. Много там стояло похожих друг на друга озабоченных женщин и, мало стесняясь мужчин, мерило на себя кофточки. Чего их стесняться, это не те мужчины.

А если, как в общем-то и планировалось, кофточка не подошла, ее тут же клали назад в пакет и продавали другой женщине, размером поменьше. Их много вокруг стояло и бродило.

И вот я взяла с бою кофточку, выбралась, распечатала, примерила, – не подошло, – положила назад в пакет и продаю какой-то даме. Тут подходит милиционер – их там было как блох. И говорит: «Пройдете в отделение. Вы занимаетесь спекуляцией!» Дама испугалась и убежала, только пыль с оврагов поднялась в тихий воздух. Я говорю: «Нет, спекуляцией я не занимаюсь». – «Вы занимаетесь перепродажей, а это спекуляция». – «Спекуляция, – говорю я, – это если бы я перепродавала с выгодой. А я продаю за ту же цену, за которую купила. Нет в моих действиях никакого состава преступления. Мы с вами только время теряем». Милиционер подумал и рукой махнул.

Но это мне крупно повезло. А мою сестру Катю в точно такой же ситуации – ей было в груди тесно, – поволокли в ментуру и там составили акт и оформили привод. Думаю, она начала по своей привычке искать правды, качать права и орать на представителя властей – как Лимонов на Триумфальной площади.

Но сестра Катя мне про это не рассказывала, а узнала я про этот эпизод из ее криминального прошлого случайно. Году эдак в 1992-м стою в магазине на Полянке, держусь я за карман, и тут ко мне подходит незнакомый мне гражданин. В смысле женщина. «Я, говорит, журналист, и недавно проходила мимо нашего районного ОВИРа. Там они документы выбросили, личные дела. Я покопалась в них и выбрала оттуда папки со своим делом, и с несколькими знакомыми тоже взяла. И ваше дело у меня есть. Хотите, сбегая, принесу? Я рядом живу». – «Несите», – говорю. Она сбегала и принесла. Там и анкета моя последняя, и копия приглашения в Грецию, и еще какие-то справки, и – на зелененькой бумажке – строгое указание. Донесение, можно сказать. Что в семье у Татьяны Никитичны Толстой неблагополучно. Сестра с приводом. Наклонности у семьи, стало быть, тревожные. Обратите внимание и будьте бдительны.

Вот что такое сходить в магазин при советской власти.

Огневой щит родины

Году так примерно в 1980-м пошла я в магазин. Улица Шокальского, стекляшка, он и теперь там стоит.

В магазине ничего нет. Маргарин есть, и говяжьи кости. Консервы еще какие-то невозможные, вроде «Рыбного завтрака туриста», это есть. (Ровесники! Вы помните «Рыбный завтрак туриста»? Вскроешь консервным ножом, а там глаза белые плавают.)

Подхожу к прилавку, где рыба-яйца. А там яичные картонки высоко так воздвиглись, до потолка. Продащица стоит, руки скрестила, ноздри раздула, смотрит гневно, как царевна Софья на известной картине.

Я говорю:

– Мне яиц десяток.

Она, помолчав:

– Нету!

Я:

– Э-э. А – это вот – не яйца, что ли?

Она:

– Нет! – Помолчав, громко: – Сгнили нахуй!

Хорошо, значит, не вышло. Иду посмотреть на маргарин, это другой отдел. Масла нет, а я надеялась. Оно когда было, то было развесное, таким огромным кубом лежало. Другие покупатели тоже подошли и смотрят на пустой поднос. Потом одна старушка, вздохнув:

– Масла нет... Вот и хорошо, значит, войны не будет!

Теперешние люди не найдут в этом вздохе логики, но логика была самая прямая: советская пропаганда учила, что продуктов нет потому, что деньги, средства и силы, необходимые на производство продуктов, пошли на оборону. Поэтому чем меньше масла (или, там, ветчины), тем крепче наша броня, огневой щит Родины.

Та же пропаганда объясняла отсутствие мяса тем, что богатые евреи завели себе собак и кормят их мясом, а нашим людям вот потому и не хватает. Не могу не восхищаться советской пропагандой: «семерых одним ударом». Высший пилотаж.

Слёзы

Брежнев умер 10 ноября, а как раз накануне мне сделали операцию на глазах. У Федорова в клинике. У меня была близорукость (да и сейчас есть, никуда не делась), но у Федорова делали коррекцию зрения; что-то там измеряли и прикидывали, а потом делали насечки на роговице, так, чтобы она расщеперилась и расклячилась и стала ближе к хрусталику, в котором сходятся световые лучи. Это как если вы купили берет, и он вам мал, и вы бы захотели надрезать его эдак радиально и вставить клинья. Тогда он на голову налезет. Резали прямо бритвой, лезвием «Нева». Лазеров в 1982 году еще не применяли.

Искусство врача заключалось в том, чтобы сделать насечки (надрезы) на нужную глубину таким образом, чтобы через три месяца, когда шрамы заживут и стянут эти надрезы, зрение стало бы стопроцентным. Чтобы не только Ш Б м н к, – а и самые нижние строчки читались легко. А три месяца, пока глаза заживают, у тебя дальнорукость с большим запасом, муть в глазах, боль, резь, обильные слезы при малейшем попадании света в глаза. Ночью легче, но зеленый свет почему-то мучителен. Светофорный зеленый.

Операцию делали сначала на одном глазу, а через неделю – на другом. Первая операция была совершенно безболезненной – ощущения после нее были всего лишь такие, словно тебе в глаза насыпали немножко песку. Зато после второй начиналась такая невообразимая боль, что ты еле успеваешь добраться до дому, чтобы с воем забиться в самый темный угол и пугать оттуда всю семью, бегущую в ужасе взад-вперед с бормотанием: ну что же ты наделала... ну мы же говорили... Эта крошечная боль продолжалась неделю, а потом тоже продолжалась, но уже не такая крошечная. Огонь под адской сковородочкой убавляли, и просто тушили тебя на небольшом огне, периодически помешивая и добавляя перец чили.

Я не помню, какого числа меня оперировали, но, зная русскую жизнь, историк легко это вычислит. Перевязка была назначена на 15-е, день похорон Леонида Ильича, как выяснилось позже. Перевязывают примерно через неделю после операции, но 8–9-го оперировать меня не могли, так как после праздников, как известно, у врачей руки дрожат. Значит, меня прооперировали до праздников, и скорее всего 5-го, так как 6-е – короткий день, и вообще – надо успеть постоять в очередях. Может быть, выбросят дефицит. Ветчину утюжком.

Стало быть, короткий день, потом страна два дня ела родное с майонезом и любимое под шубой, а на сладкое – домашнее печенье «орешки» с начинкой из вареной сгущенки, потом похмелье, низкие небеса, короткий день, редкий снег, вялость и все как всегда, – ан нет, не как всегда! Брежнев умер! Неслыханное дело! Жил себе и не умирал, а теперь вот умер.

Брежнев был всегда. Совершенно неважно, хороший он был или плохой, соображал он что-нибудь или и вправду был таким туповатым партийным мешком, героем анекдотов про себя: «Христос воскрес, товарищ Брежнев!» – «Спасибо, мне уже докладывали». Он был, он длился, он висел над землей непроглядной тучей, из которой иногда хлестало дождем, а иногда валил снег; он длился, но время не шло, часы тикали впустую, механизм поломался, и пружину у кукушки заело.

И вот – здрасте пожалуйста. Старшее поколение вспоминало смерть Сталина, и то, как тайно радовались сапиенти, и то, как явно рыдали игнорабусы, но там была драма, а тут никакой, и непонятно, каким должен быть рисунок скорби, пусть и фальшивой. Брежнев давно уже был не человеком, не персоной, а температурой воздуха, давлением ртутного столба, направлением ветра – из одной душной пустоты в другую душную пустоту. И вот вам объявляют, что прежнего климата уж не будет. А какой будет – не говорят.

Его никто не боялся, и все над ним смеялись. Году в 1977-м, когда строился мой будущий дом на проезде Шокальского – дом из песка и тумана в буквальном, строительном смысле: дырки в стенах под карнизы я сверлила карандашом, цемента там совсем не было, – в 1977 году

я поехала давать взятку строителям, чтобы они уложили паркет не квадратиками, а елочкой, так как квадратика выходили из строя гораздо быстрее, и заноз от них было больше; пресованный мусор дает много заноз. Я везла бутылку водки; строители приняли ее не удивившись и не обрадовавшись, а как нечто само собой разумеющееся: открывается дверь и входит бутылка водки, а как иначе? и шука, и золотая рыбка давно служат русскому человеку, ибо он живет в сказке, во сне, на кудыкиной горе.

Рабочие сидели на горе бракованного паркета, выпивая и закусывая консервами «частик в томате», и смеялись над Брежневым, уж не знаю, почему; кажется, он выдал себе очередную медаль; к концу жизни их у него скопилось, вместе с орденами и какими-то подхалимскими наградами от Гвинеи и Северной Кореи, больше двухсот. «Пушай в подмышку, блять, себе привесит!» – смеялись рабочие, а один изображал эту новую медаль при помощи консервной банки, прикладывая ее себе то к нагрудному карману, то к ширинке.

Рабочие водку взяли, а паркет уложили все равно по-своему, – роевое начало, воспетое Львом Толстым, живет по своим законам, и выполнение взятых на себя обязательств после получения оплаты в этих законах не предусмотрено.

И вот праздники прошли, пироги доедены, дрожь в хирургических руках немного утихла, настал день перевязки – 15 ноября, и я поехала из Медведкова в Бескудниково на автобусе в федоровскую клинику. Автобус шел бесконечно долго и медленно, пробираясь через какие-то железнодорожные пути, мимо товарных вагонов, мимо груд просыпавшегося щебня, мимо помоек, мимо еще не снесенных окраинных деревень и пивных ларьков с длинными очередями. Я смотрела в окно одним глазом, второй был заклеен, и мне было плохо видно и печально. И автобус был печальный – советский, бедный, старый, холодный, дребезжащий. Земля уже была твердая, схваченная морозом, и с угрюмого утреннего неба падали, кружась, злобные, холодные снежинки.

Мне было странно, что он умер 10-го, в аккурат после праздников, когда от всего застолья остался только студень на балконе. То есть народу дали доесть и вымыть посуду, а уж потом объявили, что теперь – скорбь. Четыре траурных дня! Я думаю, он умер раньше и лежал себе холодный и ненужный, пока шли эти холодные и ненужные праздники; а впрочем, праздники всегда нужны, они не входят в общий счет прожитых дней, подобно тому как у древних египтян не входили в счет прожитых дней дни, проведенные на рыбалке.

А в этот момент как раз опускали гроб, и объявлена была пятиминутка молчания. Остановился транспорт по всей стране, загудели гудки паровозов и сирены заводов, все встало, и наш автобус тоже встал. Прямо на железнодорожных путях. Мы почти приехали, но водитель выключил мотор. Автобус мгновенно остыл и стало тихо и совсем холодно. Я оглянулась. Сзади меня сидели человек десять – остальные вышли раньше, и остались только клиенты глазной клиники. У каждого один глаз был заклеен. Десять злых советских людей в автобусе, ледяном как гроб, и выйти нельзя, и нельзя ехать. И снег кружится и шуршит в окна.

Я просто физически чувствовала, как в атмосфере растет ненависть. Десять циклопов сидели, не поднимая своего единственного глаза, чтобы не выдать себя злобным сверканием взгляда, но складка рта и наклон лба бывают красноречивее слов и глаз. К концу пяти минут гражданской скорби из ртов пошел пар: автобус окончательно остыл.

Так мы проводили эпоху.

Потом мотор зарычал, заработал, заструилось слабое тепло, и мы быстро доехали до клиники и разбрелись каждый по своим горестным делам.

Счастье

В 1986 году стало можно ездить куда хочешь, и я, не веря своему счастью, поехала с мужем в Грецию. На пароходе.

Ужасы, сопровождавшие получение паспорта и выездной визы, не поддаются описанию, так как были вытеснены по Фрейду и несколько забылись. Так, отдельные эпизоды остались в памяти.

Чтобы получить выездную визу, надо было напечатать на машинке подробнейшую анкету. В ней требовалось указать не только когда ты родился и женился, но осветить весь свой трудовой путь. Расписать свою трудовую книжку. А трудовая книжка у меня была своеобразная, так как я в сентябре нанималась на работу, а в июне с нее увольнялась, потому что уезжала с детьми на дачу. Работа же была одна и та же: я работала младшим редактором в издательстве Восточной литературы (да, оно длиннее называлось), но так как все ставки младших редакторов были заняты, я называлась корректором и получала 103 рубля.

Так что трудовая книжка рисовала портрет дерганого корректора, который то берется за работу, то бросает ее, то снова кидается на работу, то снова не желает трудиться, то туда, то сюда, то вот опять, то – нет, не могу. Не удивительно, что злобная тетка, капитан КГБ, пристально смотрела на анкету, прожигая ее глазами, – как-то ей неясно было, в чем тут заковыка, но она вот прямо чуяла крамолу.

Также в анкете необходимо было указать все дни рождения всех братьев и сестер (а их у меня было шестеро), все даты и учреждения, в которых они когда-либо обучались и работали, с точным развернутым названием этих учреждений (Ленинградский Государственный Университет имени А. А. Жданова, Государственный Оптический Институт имени С. И. Вавилова и прочие глупости).

А если кто-то умер, то изволь сообщить, на каком кладбище похоронен, ряд и номер могилы. Потому что социализм – это учет.

Все эти ненужные сведения необходимо было напечатать на машинке в двух, кажется, экземплярах (а чё так мало?) без единой помарки. Если ты допустил опечатку – начинай сначала. Замазывать белилкой нельзя! Потому что кто знает, какие шпионские сведения ты пытаешься прикрыть белилкой? Кому сигналы подаешь?!

Наконец, испортив кучу бумаги, я напечатала эти анкеты, с длинной историей своего несуществующего корректорства, с обнажившимися подробностями жизни братьев и сестер, с именами и датами. Все было вроде чистенько и аккуратненько.

А мы ехали в Афины к тете мужа, и звали тетю Ифигения. Женщина-капитан сразу это возненавидела. Спрашивает сквозь зубы: «Так... А что это у вас за тетя и почему она там оказалась?» Мы говорим: «Потому что она там родилась». Женщине-капитану это почему-то в голову не пришло. В ее мире, наверно, все рождались в одном и том же месте, а потом некоторые предавали родину и бежали в другие земли; только так. Я смотрела, как она тяжело думает, держит бумаги в руках и думает: где тут подлянка? Но подлянки не нашлось.

Паспорта получили, следующим заданием Бабы-Яги было обменять деньги. Разрешалось обменять самую малую малость, вроде трехсот долларов на двоих на полтора месяца жизни, но и это было затруднительно сделать. Власти норовили выдать паспорт за день-два до отъезда, так что получать деньги в специальном банке надо было быстро, за этот день-два, а очереди там стояли примерно дня на четыре. Вот как хочешь, так и крутись. Но был, конечно, черный ход. Надо было достать банку французских духов, завернуть ее в невидный такой пакетик, пакетик в большой пакет, нагло пройти мимо возмущенной очереди среди криков граждан и крикнуть лживым веселым голосом: «Девочки, а Наденька сегодня у себя?» Девочки, тертые и ушлые сотрудницы органов, прекрасно понимали схему, – Наденька, думаю, делилась или приторго-

ывала. Наденька была у себя. Теперь надо было ей, совершенно не знакомой и впервые увиденной даме, с легким хохотом передать пакет с какими-нибудь незначащими словами: «вот, как обещала!» или что-то такое. После чего Наденька давала отмашку, и процедура валютного обмена проходила вне очереди.

Следующим этапом было переночевать в Одессе перед посадкой на пароход. Как известно, в советской гостинице мест не бывает. Но у нас был блат в военной гостинице. Приходим, какие-то там документы типа брони предъявляем администраторше. Просим номер на двоих. Администраторша – еще один советский питбуль. Обрадовалась: «Я вас в один номер поселить не могу!» – «Это почему еще?» – «А где у вас доказательство, что вы муж и жена? Где штамп, где свидетельство о браке?»

Я говорю: «Вы же прекрасно знаете, что по закону мы не имеем права вывозить эти документы за границу. Так что с собой их у нас нет. Но вы можете видеть, что наши иностранные паспорта отличаются на одну цифру и, значит, выданы нам одновременно. Отсюда – простое логическое умозаключение». – «Нет! Я не допущу тут разврата! Будете спать в общих номерах – вы в мужском, а вы в женском!»

Я попробовала по-хорошему еще раз: «Видите наши билеты на пароход? Мы будем проживать в одной каюте и предаваться самому разнузданному супружескому разврату». Но нет, она была просто счастлива испортить людям настроение.

Нет так нет. Мы вышли из гостиницы и позвонили в Москву моему свекру. Свекор у меня был генерал-лейтенант и, в принципе, мог этот одесский гарнизон со всеми его крашеными в жгучую блондинку бабами раздавить одним пальцем. Свекор попросил полчаса. Через полчаса мы вернулись к администраторше. Она уже минут десять как рыдала, лицо ее было черно от потоков туши. Молча мы протянули ей паспорта и молча получили ордер на комнату и ключ. Она чего-то хотела, каких-то объяснений, хотя бы криков, – но зачем?

Начальник одесского гарнизона, получивший пиздюлей в виде неприятного звончка, уже прислал нам ординарца, и ординарец, страшно довольный скандалом, рассказал, что муж администраторши – городской прокурор, и вот теперь этот прокурор получил свою порцию пиздюлей от начальника гарнизона, а уж что сделает прокурор дома с женой – давайте присядем и тихо помечтаем.

А наутро мы сели на пароход, но перед тем Родина решила еще раз обшмонать нас с головы до ног и запретить что только можно. Одесская морская таможня, неулыбчивая, как все таможни, с встревоженными, зоркими глазами, осмотрела нас, раскрыла чемоданы и прощупала чуткими пальцами каждый сантиметр. Ничего. Не может быть. Должно что-то быть.

Тут таможня увидела, что мы везем, укутав их в полотенца, банки с солеными огурцами для репатрианток Анны и Лены. Анна и Лена, черноморские гречанки, живя в России, были выпивохи и любили закусывать солеными огурчиками и селедочкой. И теперь они писали моей свекрови слезные письма: если кто поедет, привезите огурчиков! тут их нету! Вот мы и везли теткам огурчиков.

И таможню осенило: вот где они таят жемчуга и золотые часики! Брильянты – вот они где! И банки с огурцами таможня поставила в особый прибор – рентгеновский просвечиватель двухметровой высоты, с окулярами как на подводной лодке, если смотреть в перископ и высматривать врага на далеком морском горизонте. И такое рвение читалось в ссутулившейся фигуре, жадно прилипшей к удивительному прибору, крутившей обеими руками какое-то спецколеса, что я задумалась: а мало ли? Может там и правда что-то само выросло на грядке такое недопустимое? ведь не может вся эта сила запретов пройти впустую?..

А в Греции, в Афинах в тот год Россия была в моде, в большой моде. В витринах магазинов манекены были одеты в платья, украшенные русскими буквами – от горла до подола. Буквы складывались в слова.

С
Ч
А
С
Т
Ь
Ё

или, так же вертикально, ЖЕЛАНИЁ. А в одной витрине красовались шорты с надписью «Бронепоезд 14–69», и мы очень хотели их купить и привезти в подарок, но не было у нас таких денег. Денег не было.

Часы

Мой свекор был генерал-полковник. Самый что ни на есть боевой: мальчишкой пошел на войну, всю прошел до конца, ранен, потом Корея (помню, в серванте долго стояла изящная красная чашечка), потом две Академии. Был артиллеристом. Ордена – от ключиц до печени.

В 1985 году был очередной юбилей Дня победы, и армейские подхалимы надарили ему кучу военно-патриотического говна: кожаные «адреса» – папки такие с золотым тиснением; стеклянные шары, в которые волшебным образом был вставлен сверкающий белым Кремль, или же портрет самого генерала; особые юбилейные часы.

Этих часов у него скопилась куча. Когда я поехала в Америку в 1989 году, я попросила его: дайте мне часы какие-нибудь, – и он принес мне коробку. Я выбрала поприкольнее: там воин взметнул руку, – вперёёёд! – прямо посреди циферблата.

Я знала, что между нами и Америкой восемь часов разницы. Причем там – раньше, чем здесь. Учла. Поставила московское время. Лечу в самолете, часы на руке. Лечу, посматриваю. Часы идут себе вперед, идут. Задремала.

Очнулась, гляжу на часы – батюшки, они показывают время намного более раннее, чем было при вылете! Неужели чудо-часы сами знают, как поставить американское время?! Снова вернула московское. Лечу дальше.

Через которое-то там время снова глядь – а они опять норовят перейти на американское! И перешли! Параноик заподозрил бы политическую провокацию! Я сняла часы, положила на столик и затаилась. Подождала как следует, потом снова взяла их. Стрелки уже были примерно на 11:10 – и они бессильно упали вниз к шести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.